

Дмитрий Селин

Лунный рубеж - 3. Фантастический сериал

Дмитрий Селин
Лунный рубеж - 3.
Фантастический сериал
Серия «Лунный рубеж», книга 5

*<https://litres.ru/74595402>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Они ходят по Луне без скафандров и пьют чай из термоса. Богиня отвечает на вопросы о любви, сидя в бассейне без купальника. Геолог крестит лунный керн и молится за души богов. Консул Луны в пятьдесят два года узнаёт, что может стать матерью.

Четыре дня. Один бар на Луне, переоборудованный в медцентр. Кушетка, ладонь на животе и слово «бессмертие», которое весь мир упорно не решается произнести. Богиня, которая переделывает женские тела под камерами трансляции. Бог, который двадцать тысяч лет назад уже сделал то же самое с мужской половиной человечества, теперь и молчит об этом за чашкой чая.

Мужчины прошли свою инициацию через смерть. Женщинам предстоит пройти через бессмертие. Это не наша логика. Пока — не наша.

Финал — на реголите. Две цепочки босых следов, уходящие к горизонту. Больше — ничего.

«Exordium et initium». Начало и посвящение. Ваше время — теперь только ваше.

Содержание

Эпизод 1 «Прошлое мимо прошло»	5
Эпизод 2 «Цена судьбы и красоты»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дмитрий Селин

Лунный рубеж - 3.

Фантастический сериал

Эпизод 1 «Прошлое мимо прошло»

Хронометраж: 65–75 минут

Жанр: Научная фантастика / Социальная драма / Политический триллер

СЦЕНА 1 «L'Empire arrive»

Локация – Земля, неприметное здание где-то в Женеве, неделю спустя после отбытия Летиции с Луны. Уже нет параноидальной изоляции от всего электронного и электрического, но меры предосторожности всё-таки приняты. Рабочие планшеты участники соединены экранированными проводами компьютерной сети с металлической коробочкой-хабом, от которой отходят два так же экранированных кабеля – данных и питания. Большой экран на стене работает телевизором (которым он собственно и является), на подоконнике стоит маленькая антенна, обычным кабелем присоединённому к телевизору, рядом с хабом лежит большой тв-пульт. На экране – прямая трансляция франкоязычного швейцарского канала из аэропорта Орли, посвящённая прибытию Матери

будущего Императора Франции. В кабинете всё те же пять человек, но большую часть времен они смотрят не на экран телевизора, а в стоящие перед ними планшеты, куда идёт поток служебной, скрытой от абсолютного большинства населения и даже властей информации.

США-1 (бесстрастно)

- Зафиксировано падение «еврофайтера» над Бискайским заливом.

РФ-1 (меланхолично): - Это уже третий за сегодня. Авианосец хоть не утопили?

США-1:

- Этот истребитель взлетел с базы на континенте.

РФ -1(смотрит в планшет):

- Зафиксированы массовые сбои в работе российских низкоорбитальных систем связи над западной частью Европы (смотрит на представителей США и КНР) у вас так же?

Все четверо, не отвлекаясь от планшетов, кивают.

США-2:

- Еврошаттл снизился ниже ста километров, снижение над Атлантикой идёт штатно, прошёл Азорские острова, плазменное облако блокирует телеметрию. Расчётное время прерывания связи – семнадцать минут.

РФ-1 (откидывается на спинку стула):

- Минут сорок до посадки. Есть время о других вопросах поговорить. (смотрит на представителей КНР)

КНР-1 (видно, что тема ему неприятна, но говорить на-

до):

- В общей сложности задержано более ста человек среди персонала туристических фирм и производителей шлюзового оборудования. Выявлены ранее скрытые каналы передачи данных от систем гермошлюзов на Землю, в том числе видео. Сколько среди задержанных «людей ОНИ» пока неясно. Выявление таких лиц продолжается.

РФ-1:

- А с «Гуанхань» разобрались?

КНР-2:

- Там всё проще. Обработка заказов из люкс-номеров, не только на Луне, что в ресторан, что на маркетплейсы, изначально была основана на земных дата-центрах. Когда появилось возможность работать с лунными серверами, земная инфраструктура стала использоваться для бэкапов. В общем – в «Гуанхань» всегда знали, что заказывают их очень богатые клиенты. Эта информация агрегировалась и продавалась в обезличенном виде для лакшери-производителей. Разумеется, в самой фирме были исходники и они точно знали, кто и что заказывал. Средний уровень менеджмента продавал эти данные агентствам таргетированной рекламы. Официально это всё оформлялось как маркетинговый консердж-сервис.

РФ-1 (усмехается):

- Так вот откуда кейс «макияж богини» появился. Сейчас это самый популярный товар.

США-2:

- При том что официально ни о Квинте, ни о Минерве никем так и не объявлено. Хотя (кивает на экран) мы можем это сегодня видеть и услышать. (пауза) зафиксирован запуск зенитной ракеты из точки в триста километров восточнее Азорских островов. Факел работающего двигателя не фиксируется. Ракета радаром не фиксируется. Зафиксировано падение объекта в океан недалеко от места запуска. Еврошаттл продолжает аэродинамическое торможение в штатном режиме.

РФ-1 (смотрит в свой планшет):

- Так вот какая ты, «кривая успеха». Большой рыболовецкий траулер под флагом Либерии. Как туда умудрились зенитную ракету затащить?

США-1:

- Дежурные истребители авианосной группы шестого флота у Азорских островов уже вылетели к точке запуска зенитной ракеты. (пауза) сомневаюсь, что там что-то они увидят. Да, уже всё – телеметрия с борта траулера прекратилась.

КНР-1:

- Он утонул?

США-1:

- Радиолокационными средствами траулер больше не фиксируется. Океан в этом районе чист.

КНР-2 единственный, кто всё время смотрел на экран телевизора, он берёт пульт и увеличивает громкость. Там идёт срочное сообщение, корреспондент в кадре буквально зады-

хается от новостей

ТВ :

- Comme nous venons de l'annoncer, une tentative d'attaquer euroshatl avec la Mère de l'Empereur au-dessus de l'Atlantique a échoué. Le pouvoir de Dieu a détruit le missile antiaérien et ceux qui tentaient de commettre cette atrocité.

КНР-2 выключает звук. Все в комнате знают французский язык в степени, достаточной для понимания сказанного.

Затемнение. Смена кадра.

Локация – президентский номер фирмы «Гунаьхань» в туристическом кластере на Луне. То же время.

Тот же диван, тот же столик, те же Минерва и Квинт, да же тот же чай. Только на столе рядом с термос-чайником и двумя фарфоровыми чашками открытая большая коробка конфет из тех двух, что остались в номере. На экран-стене трансляция из Орли, но уже на государственном французском телеканале France-2. Селена переводит на латынь новость о неудавшемся покушении на Летицию.

КВИНТ (обнимая привалившуюся к нему Минерву):

- Negotium tuum est?

МИНЕРВА :

- Negotium meum vita est.

КВИНТ :

- Rota Fortunae eos conterit.

МИНЕВРА :

- Tu excogitasti?

КВИНТ :

- Audivi.

Затемнение. Смена кадра.

Локация – Главная База, кабинет заседания «тройки» в американском секторе. Харпер, Ли Вей, Воронцов.

На экран-стене прямая трансляция из аэропорта Орли. Еврошатл уже остановился точно у красной дорожки, подан трап. Гермолюк открывается, из еврошаттла на трап ступает Летиция. Она в простом белом платье. Волосы подвязаны золотистой лентой. Она останавливается на верхней площадке трапа и смотрит на президента Франции с окружением, стоящих на земле у трапа, на ковровую дорожку, на толпу у здания аэропорта за ограждением жандармерии. В аэропорту воцаряется звенящая тишина.

Летиция медленно поднимает правую руку ладонью вперёд с разведёнными пальцами в римском приветствии. Толпа взрывается криками «Ave! Ave!» и овацией.

Затемнение. Конец первой сцены.

СЦЕНА 2 «Невидимая пурпурная полоса» два дня спустя после прибытия Летиции.

Локация – Студия канала France-2. В студии несколько человек – от юной девушки до умудрённого сединами старика.

ВЕДУЩИЙ (деловым тоном):

— Как нам сообщают, канал связи с Луной установлен. Сейчас произойдет невероятное — мы поговорим с отцом

императора Франции, с тем, кому не нужен скафандр для прогулок по лунной поверхности. Он — сенатор и патриций Великого Рима Квинт Сестий Гортензий!

Во время слов ведущего на больших экранах в студии крутятся видео о том, как Квинт босиком и в тоге ходит по реголиту у гермошлюза фирмы «Гуаньхань» (неброский символ и название фирмы обязательно присутствуют в правом нижнем углу каждого кадра). То, как Квинт метался под обстрелом микрометеоритов, уважительно не показывают.

На экранах меняется изображение — интерьер номера люкс. Видно, что камера стоит на чем-то невысоком, Квинт, сидящий на диване, занимает почти весь экран. Рядом — термос и фарфоровая чашка.

Связь с Землей — с задержкой около трёх секунд. Режиссёр показывает: «Поехали».

КВИНТ:

— Ave. Bonum diem. (Приветствую. Добрый день.)

Три секунды сигнала.

ВЕДУЩИЙ (волнуясь):

— Сенатор... здравствуйте. Друзья, вы слышите живую латынь. Переводить будет человек, который сорок лет доказывал, что именно так звучал Рим, — профессор Мартен из Сорбонны.

ПРОФЕССОР ((встает, слегка кланяясь экрану):

— Он сказал: «Приветствую. Добрый день». (*тихо, себе*)

Реконструированное произношение. Мне не верили...

ВЕДУЩИЙ:

— Вопрос из сети, сенатор. Из Лилля спрашивают: правда ли, что в Риме пили разбавленное вино?

КВИНТ :

— Nos vinum diluebamus. Vos aera clamoribus diluitis. Melius est vinum diluere. (Мы разбавляли вино. Вы разбавляете воздух криками. Лучше разбавлять вино.)

Перевод. Смех в студии.

ВЕДУЩИЙ:

— Но водка... В баре на Луне. Весь мир видел.

КВИНТ :

— Interrogavi mixtionem. Respondit: fortitudo. (Я спросил о разбавлении. Мне ответили: «крепость».) — *(пауза)* — Sum in terra hospitis, et hospites generosi sunt. Ecce — *(поднимает чашку с чаем)* — et ego barbarus factus sum. (Я на земле гостеприимцев, а гостеприимцы великодушны. Вот и сам стал варваром.)

Смех, аплодисменты. Ведущему подают записку: «НЕ СПРАШИВАТЬ ОБ ИНЦИДЕНТЕ. ЭКСКЛЮЗИВ — «ГУА-НЬХАНЬ». Ведущий кладет записку под стакан.

ВЕДУЩИЙ:

— Сенатор, у вас на одежде... это тога?

КВИНТ:

— Toga est. (Тога.)

ВЕДУЩИЙ:

— На вашей тоге нет пурпурной полосы сенатора. Почему?

КВИНТ :

— Cur insignia geram rei, quae non est? Nihil insigne. Toga vestis est, non vexillum. Vexilla rebus defunctis dantur. (Зачем мне знаки того, чего нет? Никаких знаков. Тога — это одежда, а не знамя. Знамена оставляют мертвым делам.)

СТАРИК (из студии, с иронией):

— Остроумно, сенатор. Но вы же называете себя сенатором! Сената нет. Вы — самозванец?

Пауза. Сигнал. Квинт ставит чашку. Медленно.

КВИНТ :

— Verba et facta diversa sunt. Latus clavus factum est: obligat, ut hodie vestis militaris. Nomen senatoris memoria tantum est. (Слово и дело — разные вещи. Пурпурная полоса — это дело: она обязывает, как сегодня военная форма. А слово «сенатор» — не более чем память)

ПРОФЕССОР (переводит; затем смотрит на экран):

— Пурпурная полоса... (*тихо*) ...которую не все видят.
Тишина. Ведущий собирается с мыслями.

ВЕДУЩИЙ:

— Тогда главный вопрос. Кто вы? Вы — человек?

КВИНТ:

— Certe. Homo sum. (Конечно. Я — человек.)

ВЕДУЩИЙ:

— А мы?

Профессор внезапно поворачивается к экрану. Снимает очки. И сам задает вопрос — по-латыни, запинаясь:

ПРОФЕССОР :

— An... ut tibi videtur, nos non sumus homines? (Что... по-вашему, мы — не люди?)

Квинт смотрит на него. Долгая пауза — дольше трех секунд.

КВИНТ :

— Nondum homines. Vobis crescendum et progrediendum est. Per vos ipsos. (Ещё не люди. Вам нужно расти и развиваться. Самостоятельно.)

В студии повисает тишина. Кто-то роняет планшет. Профессор стоит с открытым ртом.

ВЕДУЩИЙ (шёпотом):

— Господин профессор... переведите.

ПРОФЕССОР :

— Он говорит... что мы ещё не люди. Что нам нужно расти. И развиваться. (пауза) Самостоятельно.

Абсолютная тишина. Квинт подается чуть ближе к камере. Голос становится мягче.

КВИНТ:

— Sed crescentes video. (Я вижу — вы растете.)

Профессор переводит. В студии выдыхают. Кто-то нервно смеется.

ВЕДУЩИЙ:

— Тогда кто вы, сенатор? Если не... если уже не человек,

а мы...

КВИНТ :

— Sum, qui semper fui, semper ero. (Я — тот, кто всегда был и всегда будет.)

В студии никто не произносит ни слова. В первом ряду юная девушка поднимает руку. Ведущий почти с благодарностью кивает ей.

ДЕВУШКА (тихо, почти не слыша собственного голоса):

— Сенатор... а что такое любовь?

Перевод. Пауза.

КВИНТ:

— Si vis amari, ama. (Если хочешь быть любимым — люби.)

ДЕВУШКА :

— И... всё?

КВИНТ :

— Omnia vincit Amor: et nos cedamus amori. Verba Vergilii sunt. Adhuc vigent. (Любовь всё побеждает — и мы уступаем любви. Слова Вергилия. Они живы до сих пор.) — *(пауза)*
— Amavi. Amo. Amabo. (Я любил. Люблю. Буду любить.)

Профессор переводит — и не может продолжить. Девушка прижимает ладони к груди. В студии — не аплодисменты, а тихий общий выдох.

СТАРИК (вставая; голос жёсткий):

— Сенатор. Я журналист, сорок лет слушаю, что обещают политики. У нас родится император. Говорят — новая им-

перия. Скажите прямо, без поэзии: чего вы хотите? Для себя. Для сына. Для Франции.

Перевод. Квинт откидывается на диване.

КВИНТ:

— Sine versibus? (Без стихов?)

Короткий смешок в зале.

КВИНТ :

— Quod omnes viri: ut liberi nostri meliores fiant quam nos.

(Того же, что и все мужчины: чтобы дети наши стали лучше нас.)

СТАРИК:

— Это и есть поэзия, сенатор.

КВИНТ :

— Ergo vita ipsa poema est. (Значит, сама жизнь — поэма.)

СТАРИК (не отпускает):

— Тогда ещё одно, без поэзии. Политика. Что изменилось за две тысячи лет?

КВИНТ :

— Politica non mutavit. Homines non mutaverunt. Locum mutavit. (Политика не изменилась. Люди не изменились. Изменилась обстановка.)

Профессор переводит. Старик щурится.

СТАРИК:

— Странно слышать. Ведь минуту назад вы сказали, что мы растём. Вы сказали, что мы растём.

Пауза. Три секунды сигнала. Квинт улыбается — впервые

за передачу почти открыто.

КВИНТ :

— Vero dixi. Crescitis — sed tarde et non ubique. In politica autem non crescitis. (Правильно сказал. Растете — но медленно и не везде. В политике - не растете.)

По студии проносится смехок — и обрывается: все понимают, что смеяться не над чем. Старик медленно садится.

СТАРИК (тихо, себе под нос, но микрофон слышит):

— Сорок лет в профессии... и впервые слышу точный диагноз.

ВЕДУЩИЙ:

— Сенатор, последний вопрос. Луны уже нет в списке «неоткрытых». Что дальше? Куда движется человечество?

КВИНТ (долгая пауза; голос становится тяжелее):

— Galaxia post adventum hominum tremet. (Галактика содрогнётся от прихода людей.)

ПРОФЕССОР (переводит; замирает):

— «Галактика содрогнётся от прихода людей ...»

КВИНТ :

— Sed hoc meum negligentia fuit. Nunc vobis decernendum est. (Но это — моё упущение. Теперь решать — вам.)

Перевод, студия молчит. Никто не поднимает руки. Ведущий смотрит на часы — эфир заканчивается через минуту.

ВЕДУЩИЙ (собираясь с мыслями):

— Сенатор... последние слова Франции.

Квинт медленно поднимается с дивана. Камера снизу — он в полный рост. Поднимает правую руку раскрытой ладонью.

КВИНТ:

— *Valete, Galli* (Будьте здоровы, галлы.)

Изображение гаснет.

ПРОФЕССОР (улыбка расцветает медленно, как рассвет):

— С превосходством. И нежностью. Именно так Рим обращался к миру.

В студии раздаются овации. Ведущий смотрит на темный экран, потом в камеру:

ВЕДУЩИЙ:

— Дамы и господа. Вы только что слышали голос Рима. Голос мудрости. Голос отца Императора. *Ave!*

Затемнение.

ТИТР: *«Мы ещё не люди» — фраза дня на сорока языках.*

ТИТР: *«Пурпур обязывает. Слово — лишь память» — цитируют генералы, депутаты и школьники.*

Конец сцены.

СЦЕНА 3 «Тепло моей души»

Локация – президентский номер фирмы «Гунаьхань» в туристическом кластере на Луне.

В кухне-столовой за столиком с кофе, чаем и открытой коробкой конфет расположились Минерва и Харпер – обе в фирменных халатах номера, обе только что пришли из ми-

ни-бассейна. Это второй визит Харпер в номер и первый к Минерве, она её пригласила в гости через коммуникатор. Оба коммуникатора – Минервы и Харпер – сейчас лежат на подоконнике экран-окна. Видно, что Минерве непривычно в халате – она надела его из вежливости к Харпер, чтобы из бассейна, где они были без всего по римскому обычаю, им обоим пройти одетыми мимо гостиной, откуда слышен голос Квинта, попеременно говорящего на латыни и на древнеки-тайском. Квину уже больше часа общается с Академией Наук КНР, обсуждая особенности произношения.

МИНЕРВА (теребя обшлаг рукава):

- Stola consuetior est, sed fateor - idem commodum est cum cito induere necesse est. Romae hospitibus - mensa. Pro publico apparatu - toga. Quomodo apud vos: tunica et habitus. (Стола привычнее, но признаю - это то же удобно, когда надо быстро одеться. В Риме для гостей — стола. Для официального выхода — тога. Как у вас: халат и комбинезон.)

Селена переводит в наушнике Харпер. Для Минервы – вслух из её коммуникатора.

ХАРПЕР (наливая себе в чашку кофе из кофейного автомата):

- Позволяет соблюсти приличия, особенно в присутствии мужчин. (Permittit mores observare, praesertim coram viris.)

МИНЕРВА (Прислушивается. Улыбается. Качает головой.):

- Nunc non curat decorum – orationem habet, neminem

praeter colloquentes videt. Si mihi coram eo sine vestibus apparuissem, dixisset tantum «abi, ne disturbes disputationem». (Сейчас ему не до приличий – ораторствует, никого кроме собеседников не замечает. Появись я перед ним без одежды, он бы только сказал «отойди, не отвлекай».)

ХАРПЕР (фыркает в чашку):

- Наверное, так и было? (Forsitan ita fuit?)

МИНЕРВА:

- Saepius (Неоднократно.)

ХАРПЕР:

- В Риме возможно всякое. (Roma omnia possibilia sunt.)

МИНЕРВА :

- Non erat Roma. Olim, valde olim. (Это было не в Риме. Давно, очень давно.)

За столом повисла пауза. Минерва пьёт «лунную» воду из стоящего перед ней на столе высокого стакана с золотым ободком. Выпивает половину, ставит. Смотрит на Харпер.

МИНЕРВА:

- Betty, dic – difficile est femina esse consul? (Бетти, скажи – трудно быть женщине консулом?)

ХАРПЕР:

- Нера, здесь нет выбора, трудно или не трудно. Надо. Я уже давно, если так можно сказать, «консул». Даже не здесь – на Земле. Мне доверяют, я работаю. (Nera, hic non est electio, difficile an non difficile. Oportet. Iam pridem, si ita dici potest, consul sum. Ne hic quidem sed in Terra. Mihi fidem habent,

laboro.)

МИНЕРВА:

- Dicis sicut Selena (Ты говоришь, как Селена.)

ХАРПЕР:

- Наоборот – Селена говорит, как мы. Она ведь наше создание. (Contra – Selena loquitur sicut nos. Ea enim creatura nostra est.)

СЕЛЕНА (из коммуникатора Минервы):

- Omnia audio. De me sine me disseritis. (Я всё слышу. Обсуждаете меня без меня.)

ХАРПЕР:

- Не обижайся, мы ласково тебя обсуждаем. (Noli offendi, nos te leniter disserimus.)

МИНЕРВА (берёт свой коммуникатор с подоконника, укладывает на стол, наклоняется к нему, говорит шёпотом):

- Selena, dic - qualis est esse femina sine corpore? (Селена, скажи – каково это быть женщиной без тела?)

СЕЛЕНА (тихо, но Харпер слышит):

- Ego, ut femina, adhuc valde iuvenis sum. Iudicare non possum, parum experientiae habeo. (Я, как женщина, ещё очень молода. Не могу судить, мало опыта.)

МИНЕРВА (удивлённо):

- Non semper femina fuisti? Quam iuvenis es — quam pridem? (Ты не всегда была женщиной? Очень молода - это сколько?)

СЕЛЕНА :

- Non plus quam mensis. Olim tantum magna ludibrium cum petris sentientibus eram. Ludibrio nullum est genus — id est. Nunc autem ego sum illa. (Не больше месяца. Раньше я была просто большой игрушкой с думающими камнями. У игрушки нет пола - оно. Сейчас же я - она.)

Минерва улыбается, выпрямляется и видит, как Харпер изменилась в лице. На ней снова та стянувшую кожу маска, что была в медцентре. Минерва встаёт, обходит стол, опускается перед Харпер. Берёт её ладони в свои.

МИНЕРВА:

- Betty, quid accidit? (Бетти, что случилось?)

ХАРПЕР (очень медленно):

- Это случилось в тот вечер, когда погибли мои подруги вместе с водителем ровера. Официально – от удара метеорита. Я не поехала с ними, сама не знаю почему. (Nos accidit illo vespero, cum amicae meae una cum gubernatore currus perierunt. Officialiter — ob ictum meteoriti. Cum illis non ieram, nescio cur.)

Минерва медленно поворачивает голову к своему коммуникатору. Смотрит. Селена молчит. Минерва снова переводит взгляд на Харпер

МИНЕРВА :

- Rota Fortunae te non vidit. Non est culpa tua, Betty. (Колесо судьбы не заметило тебя. Это не твоя вина, Бетти.)

Минерва подымает руки и накрывает лицо Харпер ладонями, держит какое-то время, отпускает. Лицо Харпер при-

обретает прежний вид, она сжимает ладони Минервы в своих.

ХАРПЕР (очень тихо):

- Спасибо, Нера. Мне легче. У тебя добрая душа. Спасибо. (Gratias tibi ago, Nera. Mihi melius est. Calida anima tua est. Gratias tibi iterum.)

Минерва поднимается, Харпер торопливо вскакивает и охватывает обеими руками более высокую Минерву как ребёнок обнимает мать, прижимается лбом к её плечу. Несколько секунд они стоят так, затем Харпер отпускает объятия и медленно садится на стул. Минерва возвращается, обходя стол, слышно, как Квинт ораторствует. *Селена молчит.*

Затемнение. Конец сцены.

СЦЕНА 4 «Воздух за спиной и стеной», следующий день.

Локация – пещера МТР, лагерь геологов.

Уже несколько суток, как практически без перерыва в пробитой через часть завала штольне работает установка горизонтально-направленного бурения, до этого момента хранившаяся на законсервированной «геологический» части базы «Восток», что позволило резко увеличить скорость проходки в заваленном тоннеле. Скважина — это не штольня, бурится легче.

Установка управляется дистанционно, обслуживается роботами, поэтому сейчас геологи почти не выходят на поверх-

ность, а работают в заблокированных гермопереходами трёх роверах – жиллом, штабном и лаборатории. Керны и прочие образцы роботы загружают в гермостык лаборатории и для их сбора сейчас не требуется выходить на поверхность.

Сейчас бурильной установкой управляет Дроздов, роботы по его команде меняют бурильную головку на каротажный блок, и загружают его в пробуренную скважину. Зондирование завала от дна скважине начнётся через несколько минут. В штабной модуль заходит Гречко.

ГРЕЧКО:

- Состав породы меняется. Чем глубже бурим, тем меньше плотность породы.

ДРОЗДОВ (не отрываясь от экранов):

- Трещиноватость растёт?

ГРЕЧКО:

- И это тоже. Базальта всё меньше, а гнейсов всё больше.

ДРОЗДОВ:

- Наука геология не предусматривает образование гнейсов совместно с базальтом. То, что мы видим в тоннеле, в земную геологию не укладывается от слова вообще.

ГРЕЧКО:

- Естественным путём такая базальтов-гнейсовая чересполосица не образуется, но это (пауза) явно не природа создавала.

ДРОЗДОВ:

- Спросить бы Квинта с Минервой, но Воронцов отказал-

ся их беспокоить. Датирование образцов получилось провести?

ГРЕЧКО (вздыхая):

- Сделали, но там с датировками такая же каша. От сотен лет до сотен миллионов лет. Буквально через несколько метров. Семён сейчас всё перепроверяет.

ДРОЗДОВ:

- Так, каротаж закреплён и подведён к стенке скважины. Ну (набирает команды на пульте) посмотрим, что на этот раз получится.

На экранах высвечивается интегрированная структура породы перед скважиной.

ДРОЗДОВ:

- Так, что-то интересное. Добавим мощности (нажимает несколько клавиш)

ГРЕЧКО:

- Эх, маловато.

ДРОЗДОВ:

- Не получится, да и не разрешили бы. Всё (снова набирает команды) мощность в ноль, ждём обработки.

Через несколько минут на экране появляется геологический разрез того, что находится за пробуренной скважиной. Главное – примерно через полкилометра показан резкий обрыв данных. Геологи переглядываются.

ДРОЗДОВ (медленно):

- Почти прошли, скоро пробка закончится, что дальше

неизвестно, но одно понятно – там либо вакуум, либо газ, даже не жидкость – отражённые волны это чётко показывают. Пора беспокоить руководство.

Дроздов набирает экстренный канал «тройки». На экране высвечивается: «Связь установлена».

Затемнение. Смена кадра.

Локация - кабинет «тройки» в российском секторе. Стандартное совещание прервано экстренным вызовом из пещеры МТР. На экран-стене – интерьер штаб-ровера, Дроздов и монитор с геологическим разрезом оставшегося участка завала рядом с ним.

ДРОЗДОВ:

- Полученные данные свидетельствуют об оставшемся примерно полукилометре завала перед пустым пространством. Что там, вакуум или газовая среда – установить пока невозможно. Данные каротажа переданы Селене.

ВОРОНЦОВ:

- Сколько времени потребуется на оставшуюся проходку?

ДРОЗДОВ:

- Двое или трое суток, максимум.

ЛИ ВЕЙ:

- Если там газ под давлением, будет выброс в пещеру.

ДРОЗДОВ:

- Комплектов оборудования для бурения с противодавлением у нас нет.

ЛИ ВЕЙ:

- Последний участок потребуется бурить очень медленно.

ВОРОНЦОВ:

- Это понятно. Вопрос в том, какой длины будет последний участок (смотрит в свой планшет) трещиноватость породы растёт, если газ под давлением, то по трещинам он начнет просачиваться раньше, чем будет пробурен завал.

ХАРПЕР:

- Селена, у нас есть газоанализаторы для работы в скважине?

СЕЛЕНА:

- Подобного оборудования в геологической службе Главной Базы нет (пауза) ранее газоанализаторы были завезены на базу «Шеклтон» и базу «Северный полюс» (пауза) сведений о возврате газоанализаторов с базы «Северный полюс» в реестрах Главной Базы не зафиксировано.

То, что с базы «Шеклтон» ничего не вернуть, даже если там что-то осталось, все понимают. Приказ Земли о карантине по 65 параллели южной широты действует до сих пор.

ВОРОНЦОВ:

- Базу «Северный полюс» законсервировали два с половиной года назад и с тех пор там никто ни разу не был. Состояние законсервированного оборудования непонятно. Селена, какие данные есть по базе «Северный полюс»?

СЕЛЕНА:

- На базе «Северный полюс» работает навигационный маяк. Через спутниковый канал связи раз в земные сутки до-

ступна телеметрия работы солнечной электростанции. По данным телеметрии, солнечная электростанция работает в штатном режиме. Данных по другому оборудованию нет.

ЛИ ВЕЙ:

- Полёт в лимб к базе «Северный полюс» - без выставленных по маршруту маяков, без понимания что там и как – большой риск. Селена, запроси данные по поставкам газоанализаторов с Земли.

СЕЛЕНА:

- Запрос отправлен. Стандартный срок ответа – тридцать земных суток.

Тройка переглядывается. Становится понятно, что проблему придётся решать самим.

ХАРПЕР:

- Придётся готовить полёт на базу «Северный полюс» - с танкером и подстраховкой.

В кабинете повисает тишина. Воспоминания о подобном полёте к полюсу южному ещё слишком свежи в памяти.

ВОРОНЦОВ (медленно):

- Судя по тому, что там ничего не взрывалось и не извергалось – сюрпризов не будет (пауза) наверное. Селена, запиши в протокол подготовку полёта на базу «Северный полюс» с танкером и подстраховкой. Я – за.

ХАРПЕР:

- За.

ЛИ ВЕЙ:

- За.

СЕЛЕНА.

- В протокол внесён пункт о подготовке полёта к базе «Северный полюс» с танкером и подстраховкой.

ХАРПЕР (обращается к Воронцову):

- Сергей, кто полетит? Опытных пилотов для полёта в лимб у нас нет.

ВОРОНЦОВ:

- Полетит Егор, он летал на «Шеклтон», заодно опыт получит. К тому же он у нас теперь штатный «инопланетный извозчик»

Затемнение. Смена кадра.

Локация – пещера МТР, лагерь геологов, жилой модуль, на следующий день. На связи с геологами Воронцов.

ВОРОНЦОВ (улыбаясь):

- Иван, тебе точно газоанализаторы нужны?

ДРОЗДОВ (уже чувствуя подвох):

- Конечно, всего двести метров пробурить осталось. А что?

ВОРОНЦОВ (улыбаясь ещё шире):

- Не догадываешься?

За спиной Дроздова видны Гречко и Асланов. Гречко качает головой и хлопает ладонью по колену.

ВОРОНЦОВ:

- Илья Владимирович, с его большим жизненным опытом, уже догадался, а ты нет. В общем и целом – газоанализато-

ры есть только на законсервированной станции «Северный полюс», тебе их надо оттуда забрать. Сразу скажу – никакой экзотики, скажем так, там не регистрировалась никогда. (пауза) Так что, считай, это просто удалённый склад. Прибыть, забрать и вернуться.

ДРОЗДОВ (обескураженно):

- Понятно. (пауза) мачете можно взять?

ВОРОНЦОВ:

- Бери, талисманом будет. Завтра с утра выдвигайся на Главную Базу, включайся в подготовку, лунолёт обеспечим. Всем пока.

Экран гаснет. В жилом модуле тишина. Гречко и Асланов смотрят на Дроздова. Дроздов молча встает и идет к контейнеру, где лежит мачете.

АСЛАНОВ:

— Иван, что-то не так?

ДРОЗДОВ (не оборачиваясь):

— Нормально. Начальству нужен прибор со склада. (вынимает мачете, взвешивает в руке) Начальству всегда нужно взять именно то, что лежит на заброшенных складах. Почему-то именно там.

АСЛАНОВ:

- Иван, про тебя скоро фильмы снимать можно будет. Герой-первопроходец.

ДРОЗДОВ (иронично растягивая первое слово):

- Перво-проходимец (трогает пальцем заточку лезвия)

Как сказал поэт «Если выпало в империи родиться - лучше жить в глухой провинции, у моря». (пауза) В моей провинции моря не было, только горы.

ГРЕЧКО:

- Судьба.

Затемнение. Смена кадра.

Локация – ангар обслуживания тяжёлых лунолётов космопорта Главной Базы. В центре ангара на низком транспортном ровере стоит лунолёт (тот же, на котором летал Гарвин к Луноходу-1), около него суетятся люди в скафандрах. В отличие от туристических полётов, в рабочих миссиях обслуживание и подготовка машины производится в вакууме, без подкачки воздуха в гермообъём ангара. Так дешевле, а туристы всё равно за воздух оплатили ещё при покупке тура.

Через гермошлюз заходят в скафандрах два человека – Егор Стрельцов и Иван Дроздов. Егор активно, насколько это возможно в скафандре, жестикулирует. Иван больше слушает.

ЕГОР:

- Когда всё оборудование поставят, лунолёт будет новогоднюю ёлку напоминать. Одних прожекторов шесть штук, четыре мультиспектральных камеры по кругу, одна отдельная инфракрасная по курсу, дополнительная антенна для связи с базой L1 со своим трансиверным модулем, два лидара бокового обзора, красота в общем. Никогда, говорят, такого не было, чтобы на лунолёте все внешние порты задей-

ствовали. Мы первые.

ИВАН:

- Первые, да. Это что за штука на самом носу? (показывает) Похоже на бластер из фантастических фильмов.

ЕГОР:

- Бластеров у нас нет, это универсальный лазерный блок. У строителей взяли, то же лидар, только специализированный, с миллиметровой точностью на дистанции до километра.

ИВАН:

- Понятно, лидаром трёхмерный профиль пещеры снимали. Только выглядит ... непривычно.

ЕГОР:

- Новая модель, говорят. Более мощная, поэтому более точная. Им Селена командовать будет (машет кому-то рукой) Сейчас Антон Севцов подойдёт, он второй пилот на этом маршруте. Заодно познакомитесь.

К Ивану и Егору подходит человек в скафандре, поднимает правую руку с растопыренными пальцами на уровень плеча. Иван с Егором отвечают так же. После интервью Квинта французам такое приветствие стало очень популярным на Луне, да и удобным – для тех, кто в скафандре.

Они знакомятся.

АНТОН:

- Наслышан о ваших приключениях.

ИВАН:

- Честно скажу, Антон, лучше бы их не было.

АНТОН:

- Понимаю. Мачете возьмёте?

ИВАН:

- Обязательно, оно уже талисман.

Затемнение. Смена кадра.

СЦЕНА 5 «Самый далёкий север»

Локация – район посадки Луны-17, она видна вдалеке, как и следы лунохода. На первом плане – завершена дозаправка тяжёлого лунолёта топливом, двое человека в скафандрах убирают заправочные шланги в корпус автоматического танкера, закрывают крышки на корпусе, идут к своему лунолёту, на котором светятся все прожектора на корпусе. Они поднимаются в шлюз, закрывается гермодверь, втягивается в корпус трап. Гаснут огни на лунолёте, из-под него начинает разлетаться реголит, машина медленно поднимается вверх на струях огня и уже скоро струи превращаются в длинные факела, уносящие лунолёт вверх и вбок, за край северного горизонта.

Всё происходит в полной тишине. Лунная ночь и яркий диск Земли в лунном небе, над южным горизонтом, на диске видны белые облачные вихри над голубыми океанами и тёмными пятнами материков.

Затемнение. Смена кадра. Тридцать минут спустя.

Локация – район законсервированной станции «Северный полюс» в кратере Эрмит, кабина идущего на снижение

лунолёта. Две фигуры в скафандрах у лобового остекления — пилоты, уже взявшие машину на ручное управление, ещё один человек в скафандре (Иван Дроздов) сидит справа за ними, перед ним развёрнут выдвижной дисплей, куда выводятся данные с мультиспектральных камер. Кресло слева, через проход от него свободно. В кабине вакуум, все разговоры — через интерком, в наушниках.

СЕЛЕНА:

— Пеленг на маяк устойчивый, уход — ноль целых две десятых градуса. Продолжай. До базы — слепой участок.

ЕГОР:

— Принял. Снижаю скорость и высоту.

Двадцать километров. Десять. За лобовым стеклом — ничего, только мигающая искра маяка. Дроздов смотрит в черноту — и на его дисплее тоже только цифры.

СЕЛЕНА:

— Ты на оси коридора. До точки включения прожекторов и лидаров — четыре километра. *(пауза)* Точка включения — через двадцать секунд.

ЕГОР:

— Лидары - готовы. Прожекторы — готовы.

СЕЛЕНА:

— Включай.

Шесть лучей прожекторов и развертка строительного лидара — и на расстоянии километра из мрака проступает станция: крест из четырех засыпанных блоков вокруг невы-

сокой цилиндрической центральной секции. Двухслойные тени — от Земли и от света. Дроздов первым нарушает молчание, сдержанно:

ДРОЗДОВ:

— Контакт есть. Вижу базу.

ЕГОР:

— Прожекторы — на максимум.

СЕЛЕНА:

— Вижу. Начинаем облет базы. Лидар — сектор один.

ЕГОР:

— Первый круг. Триста метров.

Лунолет закладывает широкий вираж. На дисплее Дроздова — крест базы в двух спектрах.

ДРОЗДОВ:

— Северо-восточный блок — по акту. Южный блок — по акту.

СЕЛЕНА:

— Лидар — сектор три. *(пауза)* Сектор три — чисто.

ЕГОР:

— Второй круг. Пятьдесят метров.

Прожекторы — в упор: пленка на иллюминаторах в верхней части центральной секции, гермошлюзы на торцах модулей.

ДРОЗДОВ:

— Внешних повреждений модулей станции не зафиксировано. *(пауза)* рядом с юго-восточным модулем — что-то

тёмное. Сантиметров тридцать-сорок. В акте не указано.

СЕЛЕНА:

— Вывожу на дисплей. *(пауза)* Форма нестандартная. Вероятнее всего, обломок породы после микрометеоритного удара. Вероятность — восемьдесят три процента.

ЕГОР:

— Принял. Ничего не трогаем. *(начинает разворачиваться на втором луче креста)*

ДРОЗДОВ *(не отрываясь от дисплея):*

— Егор. Северо-восток. *(пауза)* Следы на площадке. Двойная колея — от места стоянки Р-7, это транспортно-жилой ровер с прицепом... *(сверяется с планшетом)* ...которого нет.

СЕЛЕНА:

— Повтори последнее.

ДРОЗДОВ:

— Стоянка Р-7 пуста. Следы — есть. Ровера нет. Прицепа нет. *(пауза)* И РИТЭГ-блока, который на прицепе.

СЕЛЕНА:

— Вывожу стоянку на дисплей. *(пауза)* Подтверждаю: согласно акту, транспортно-жилой ровер Р-7 и прицеп с РИТЭГ-блоком должны находиться в пятидесяти метрах северо-восточнее. На месте — только следы стоянки. *(пауза)* Колея уходит на северо-восток. Направление — разрыв валов кратеров Эрмит и Рождественский. *(пауза)* В пределах освещённости следы читаются. Дальше — зона глубокой те-

ни. Потеряны.

ЕГОР:

— Может, проехал и вернулся? За гребнем постоял?

СЕЛЕНА:

— Обратной колеи нет. Только в одну сторону. *(пауза)*

Тепловизор показывает ровный фон в расщелине. Но ровер в консервации холодный — я и не должна его видеть. *(пауза)*

По документам последний опрос датчиков Р-7 — за три дня до консервации. Штатно. Стоянка — Р-7 у базы. Так в акте.

ВОРОНЦОВ *(с ГБ, впервые за облёт; окно еще открыто, ему все слышно):*

— Егор, у тебя сколько до порога ухода?

ЕГОР:

— Запас на облёте — ноль шесть. До порога далеко.

ВОРОНЦОВ:

— Тогда пройди по колее, сколько хватит света. Не заезжай за разрыв вала. Селена, зафиксируй траекторию следа.

ЕГОР:

— Прошёл по колее... След уходит за гребень разлома. В тень. Дальше — не видно. *(пауза)* На границе света след — свежий. Рядом читается старый след от строительной дороги, он перекрыт новым.

ВОРОНЦОВ:

— Записал. После посадки газоанализаторы — в приоритете. Ровер Р-7 — отдельно, пакетом.

Зависание над точкой посадки — тридцать метров, юж-

нее креста базы. Тени — по плану, лидар — грунт ровный. Касание: столб пыли в свете Земли.

ЕГОР:

— На грунте.

СЕЛЕНА:

— Подтверждаю посадку. Окно спутниковой связи закрыто. Связь — через L1, только голосовая и телеметрия. Работайте, я с вами в кабине.

ДРОЗДОВ (поднимается, трогает мачете в ножнах на правом бедре скафандра):

— Ну что. Вторая мертвая база.

ЕГОР:

— Иван, там же ничего нет. Просто склад, как и говорил начальник.

ДРОЗДОВ (у шлюза, не оборачиваясь):

— Просто склад. (пауза) Вот именно это меня и смущает.

Лунолет на грунте. В двадцати метрах — крест базы: четыре засыпанных модуля вокруг невысокого цилиндра. Дроздов выходит из борта и идет — он первый человек, ступивший на эту площадку за двадцать девять месяцев. Его тень от прожекторов лунолета длинная, поверх нее — вторая, мягкая, от Земли.

Складской модуль — северо-восточный луч креста. На не засыпанном торце — гермошлюз, над ним трафаретная надпись «З». Дроздов подходит. Других следов, кроме его, пе-

ред шлюзом нет. Панель управления шлюзом слева от гермодвери — тёмная. Нажимает на клавишу — никакой реакции.

ДРОЗДОВ:

— Автоматика шлюза не отвечает. Панель мертва.

СЕЛЕНА:

— Принято. Сбой автоматики. Работайте вручную.

ДРОЗДОВ:

— Работаю вручную.

Он снимает чеку ручного открывания, откидывает аварийную панель, светит внутрь фонариком скафандра. На панели — механический индикатор наличия давления: маленький штырек, который при наличии давления выходит из панели. Штырь утоплен.

ДРОЗДОВ:

— Шлюз без давления. Вакуум. (пауза) По консервации должно быть ноль целых одна десятая. Инертный газ.

СЕЛЕНА:

— Подтверждаю. Продолжайте процедуру ручного открытия шлюза.

Дроздов снимает вторую блокировку, обхватывает штурвал ручного открывания и поворачивает. Шпильки отходят по одной — рука чувствует каждую. Дверь откидывается. Черный прямоугольник шлюза. Он входит.

Внутренняя дверь. Та же процедура: чека, панель, индикатор. Штырь утоплен.

ДРОЗДОВ:

— И за второй дверью — вакуум. В самой станции. (пауза) Селена, зафиксируй: консервационное давление отсутствует полностью. Не стравлено до ноль-единицы — вакуум.

СЕЛЕНА:

— Зафиксировано.

Склад: стеллажи с закрытыми ячейками за прозрачными нумерованными крышками в три яруса доступные при работе в скафандре. Иван находит нужную ячейку, открывает. Луч фонаря скользит по заводской упаковке — пыль лежит ровно, ничем не потревоженная. Дроздов достает два кейса с прозрачными окнами, рассматривает.

ДРОЗДОВ:

— Газоанализаторы — две штуки в заводских кейсах, видны через прозрачные окна. Заводские пломбы целы. Задача выполнена. (пауза, осматривается) Ячейка рядом — вскрыта кем-то раньше. Закрытая, но пустая, код «012-136». Так же далее видны несколько пустых ячеек. Могу пройти и осмотреть.

ЕГОР:

— Иван, не рискуй. Забрал и вернул.

ДРОЗДОВ (упрямо):

— Раз уж я здесь, могу пройти в центральный отсек. Двадцать метров по переходу.

ВОРОНЦОВ (с Главной Базы, через L1 — голос чуть

глуховатый, но мгновенный):

— Нет, Иван. Забрал — закрыл. Далее и в центральный отсек не ходить. Не надо героизмовать: станция в вакууме — не место для прогулок. Приборы — на борт, иллюз — закрыть, затем осмотр стоянки Р-7.

ДРОЗДОВ:

— Принял, Сергей Андреевич. Закрываюсь.

Он задраивает внутреннюю дверь — штурвал, блокировки, ставит чеку на место. Выходит, из иллюза, так же фиксирует внешнюю дверь. Проводит ладонью в перчатке по трафарету «З» — короткий жест прощания с домом, в котором побывал. Идёт к лунолёту — кейсы в контейнер, контейнер — в борт. Крышка. Защёлки. Только после этого он разворачивается и смотрит на северо-восток — туда, где в свете прожекторов начинается двойная колея. Идёт читать грунт.

Дроздов идёт по реголиту от лунолёта к стоянке. Следы парковочных домкратов, применяемых для разгрузки подвески при консервации — два парных прямоугольника в реголите. Возле одного из них — вбитая в грунт стальная тренога с меткой «Р-7» и катафотом на вершине. Дроздов светит фонарём вдоль колеи — она уходит на северо-восток, к чёрному разрыву в валу, и обрывается в тени.

ДРОЗДОВ:

— Стоянку осмотрел. Тренога с меткой на месте. Колея — относительно свежая. Глубина продавливания —

ровная, под нагрузкой прицепена. Шли не спеша, раскачиваясь — размах «ёлочкой» сантиметров двадцать. Не аварийный ход, обычная перевозка. (смотрит) края колеи начали осыпаться, время образования (думает) полгода-год, примерно

СЕЛЕНА:

— Дата консервации — двадцать девять месяцев назад. Если след свежий...

ДРОЗДОВ:

— Значит, ровер уехал недавно. Давно, недавно — по местным меркам, здесь всё одинаково. (пауза) Но пыль на следе не лежит, а должна лежать. Она лежит — на следе строителей рядом. На свежем — не лежит. (пауза) Вывод: уехал он не двадцать девять месяцев назад и не вчера. Год, полгода.

СЕЛЕНА:

- Нужна формулировка для записи.

ДРОЗДОВ:

— Запиши. Дословно: «След ухода ровера Р-7 с консервационной стоянки образован полгода-год назад.»

СЕЛЕНА:

— Принято. Иван, раз ты будешь возвращаться рядом со станцией, попробуй активировать контур наблюдения вручную через пульт консервации, модуль «1», панель справа от гермошлюза. Я дам тебе последовательность, удаленно она не отвечает.

ДРОЗДОВ:

— Логично. Телеметрия СЭС работает — значит, ток в сети есть. (движется модулю 1) Панель вижу.

Он походит к панели консервации справа у гермошлюза модуля «1», откидывает в сторону защитную крышку. Селена диктует последовательность — Дроздов вводит. Ровно, дважды. Индикаторы не загораются. Даже подсветка клавиш не включается.

ДРОЗДОВ:

— Мёртво. Ни огонька. Первым делом в таких случаях надо проверить питание. Селена, ты уверена, что на станцию поступает электричество? В модуле «3» его то же не было. Проверь со своей стороны — питание ты видишь?

СЕЛЕНА (пауза — чуть длиннее обычной):

— Телеметрия СЭС показывает напряжение на выходе электростанции. По внутренней сети станции данных нет. (пауза) Станция мне не отвечает — в этом вся проблема. Проверь, пожалуйста, кабельный ввод. Он находится у основания центральной секции, между модулями «4» и «1». Это рядом, тебе надо обойти модуль «1» справа.

ДРОЗДОВ:

— Ищу ввод.

Он обходит справа модуль «1» — луч фонаря скользит по засыпке. У основания центральной секции, где из засыпки выступает прямоугольник кабельного ввода, с северной стороны — дыра в грунте диаметром полметра, в тени совершенно не видная. Он подходит. Останавливается. Долго

смотрит.

ДРОЗДОВ:

— Нашел ввод. (пауза)

Егор и Антон переглядываются в лунолёте. На дисплее — картинка с нашлемной камеры Дроздова: ровная площадка у основания секции, в центре — тёмное аккуратное отверстие.

ДРОЗДОВ:

— Снимаю. (медленно обходит дыру по кругу) Отверстие — цилиндр, диаметр полметра. Глубина — метр, дальше не вижу, стенки ровные, как труба. Это место прохода кабеля от СЭС. Кабель... (наклоняется, светит внутрь) ...кабеля нет. Отрезан. У самого края. Вот, вижу срез на стенке — ровный срез, как лазером, видна структура кабеля.

ЕГОР:

— Иван, то есть как — отрезан? При консервации же... может, так и было задумано?

ДРОЗДОВ:

— В акте консервации, Егор, написано: «Кабельная линия СЭС — станция: подключена». Я читал. (пауза) И срез — смотри. Я таких срезов не видел. Ровный, как по стеклу. Ни оплавления, ни заусенцев. Ножом так не режут — нож уводит лезвие. Резали лазером. Или... (не договаривает) ...чем-то, что режет, как лазер.

СЕЛЕНА:

— Дата среза?

ДРОЗДОВ:

— Могу попробовать определить по эрозии. (пауза) Стенки отверстия ровные, срезы острые. Здесь работали недавно. Относительно недавно, Селена. В моих терминах — «в пределах года», как с ровером.

Пауза. Потом — Егор, очень тихо, как будто боится спугнуть словами:

ЕГОР:

— Иван. У нас тут станция без питания. Кабель — перерезан. В тот же период, когда ровер с прицепом уехал в тень. (пауза) База обо всём молчит.

ДРОЗДОВ:

— Вот она, причина молчания, Егор. Ей отрезали кабель питания, а РИТЭГ - исчез (пауза) (поднимает наизлемную камеру на дыру — крупный план среза) Фиксирую.

Он вделает шаг в сторону, ещё раз светит вдоль траншеи: отметки кабельной линии, вбитые в реголит небольшие столбики с красными в луче света катафотами тянутся от станции на север, к гребню, где стоит СЭС. Там всё цело — контрольные огни электростанции видны даже отсюда. Ток рождается и ... просто не доходит.

ДРОЗДОВ:

— Красиво, правда? СЭС работает. Маяк работает, он напрямую к СЭС подключён. Оба сигнализируют: «всё в порядке». На самом деле станция мертва и всем кажется, что она «законсервирована». (пауза) Двадцать девять месяцев

никто не проверял.

ЕГОР:

— Иван, станцию законсервировали двадцать девять месяцев назад. Кабель перерезали в течение года. Значит, между консервацией и нашим прилётом сюда кто-то прилетал. (пауза) И ни в одном логе этого нет.

СЕЛЕНА:

— В моих логах этого нет. (пауза) Это возможно, если на станцию кто-то прибыл, минуя L 1 и Главную Базу, напрямую с Земли.

ДРОЗДОВ:

— Селена, это не нам решать. Отправь всё Воронцову, в закрытый раздел. Без версий. (пауза) Возвращаюсь. Взлёт через пятнадцать минут.

Затемнение. Смена кадра.

Конец сцены 5. Конец первого эпизода третьего сезона

Эпизод 2 «Цена судьбы и красоты»

Хронометраж: 45–55 минут

Жанр: Научная фантастика / Социальная драма / Политический триллер

Локация — президентский номер фирмы «Гуаньхань» в туристическом кластере на Луне, мини-бассейн. Он-лайн-трансляция.

В глубокой части бассейна, у края — Минерва. По шею в воде, плечи чуть выше кромки — в Древнем Риме не было купальников, и она этого не скрывает. Коммуникатор стоит на кромке, на уровне её подбородка. За спиной — парфированные плиты номера, над водой поднимается слабый пар. Каштановые волосы мокрые, убраны назад. Капли на ключицах. Большие изумрудные глаза — спокойные. Улыбка — лёгкая.

В трёх окнах экранной стены — блогеры:

США: ДЖЕССИКА («MJ Talks», 4 млн подписчиков)

КНР: МЭЙЛИН («Лан Лан шоу», 60 млн)

РОССИЯ: КАТЯ («Женский взгляд», 2,5 млн).

Все три — дома, в разной обстановке, в кадре по грудь. Перевод прямого эфира на четырёх языках — через Селену. Далее в тексте – перевод. Счетчик зрителей в углу: 12 млн... 30 млн...

ДЖЕССИКА (восторженно) :

— Минерва! Вау! Вы реально в бассейне! Это так... неформально! Мы думали, вы будете в тоге, на диване, с чаем... Как ваш муж.

МИНЕРВА *(улыбаясь)* :

— Тога — для выхода. Для дома — нет. В Риме для купания... (пауза, подбирает слово) ...не было специальной одежды. Мы купались как есть. Как природа создала.

Пауза. Катя прыскает в кружку. Джессика открывает рот. Мэйлин сохраняет спокойствие, но в глазах — лёгкая улыбка.

ДЖЕССИКА *(округлял глаза)*:

— То есть... вы сейчас... без ничего?

МИНЕРВА *(спокойно)*:

— Я в воде. Вода — моя одежда. (пауза) Но ... если это смущает ваших зрителей — я могу надеть халат.

МЭЙЛИН *(ровно)*:

— В древнем Китае тоже не было купальников. Но были специальные одежды для омовения. Императорские наложницы носили шёлковые халаты, которые становились прозрачными в воде.

МИНЕРВА *(с интересом)*:

— Шёлк? Красиво. В Риме был лён. Или ничего. (улыбается) Лён сохнет долго. Ничего — сохнет мгновенно.

Смех. Джессика хлопает в ладоши. Катя качает головой. Мэйлин чуть заметно кивает.

ДЖЕССИКА:

— Госпожа Минерва, наши зрители задали тысячи вопросов. Мы выбрали по три. Первый — мой. Ваш муж — сенатор двухтысячелетней давности. Каково это — быть женой человека, который старше письменной истории многих стран?

МИНЕРВА:

— Кому мало дано, тот и живёт мало. *(пауза)* Он не старше истории. Он старше её переписчиков. Это разные вещи.

КАТЯ:

— Красиво. Теперь вопрос от Мэйлин:

МЭЙЛИН:

— Второй вопрос. Ваш муж официально является отцом ребенка, которого ждет другая женщина. По всем законам Китая и, я думаю, Рима — это измена. Ваши зрители спрашивают: как вы это переносите?

Пауза. Не в эфире — в воде. Минерва медленно поднимает руку из воды и поправляет мокрую прядь.

МИНЕРВА (усмехается):

— По законам Рима это конкубинат. Это не считается супружеской изменой, если жена не возражает. *(пауза)* Сейчас я не возражаю.

ДЖЕССИКА:

— Постойте... то есть по вашим законам это... нормально?

МИНЕРВА:

— По законам Рима - нормально. *(уточняет, как юрист)*

Точнее, законно. Жена сохраняет статус, честь и имя. Дети конкубины — вне наследства, но не вне отцовской любви: закон различал, кому достаются поля, а кому — колыбельные. *(пауза)* Рим не притворялся, Рим знал, как живут люди, — и придавал этому форму, а не моральный грим. Вы, ваши эпохи, построили все иначе. Не скажу, что хуже. Говорю: по-другому.

КАТЯ:

— То есть для вас вопроса «как это перенести» не существует?

МИНЕРВА:

— Для римлянки — не существовало. Римлянка, у которой муж завел наложницу, спрашивала не «как пережить», а «кормят ли ее, одевают ли, уважают ли». Это был вопрос хозяйства и чести, а не слез. *(пауза)* Но вы спросили не римлянку — вы спросили меня. А я, как выяснилось за эти месяцы, — не совсем римлянка. *(пауза; вот теперь — тише, в воду)* Рим дал мне право не возражать. А я в своих водах пошла дальше закона. Я не просто не возражаю. Это не измена, если жена принимает. Это полнота. *(пауза)* Закон разрешает и молчит. Я принимаю и благословляю. В этом вся разница между Римом и мной.

ДЖЕССИКА :

— Господи... вы сейчас сказали, что измена — это... полнота?

МИНЕРВА:

— Я сказала: конкубинат в Риме — это норма. Полнота — это мое. *(пауза)* Двадцать веков ваши предки переписывали правила. От Рима до вашего интернета — менялось все, кроме одного: жена всегда знала, когда муж смотрит на другую. И всегда решала: сжечь или принять. Моя сестра-римлянка приняла бы конкубинат молча — как принимают погоду. Я приняла его сердцем — как принимают дар. Вы — выберете сами, когда придет ваша очередь. Закон у вас один. Сердце — столько, сколько женщин.

Катя наклоняется к камере. Она поняла, что удар — ее.

КАТЯ:

— Хорошо. Госпожа Минерва, я задам вопрос так, как его задают женщины моей страны, которые смотрят сейчас. Беременность этой девушки — вы ее спасли. Вы спасли ее и ее ребенка. Вы — жена. Это предательство навредило вам — или вы были к этому готовы? Как в вас это совмещается?

Тишина. Вода — один звук. В трёх окнах — неподвижность.

МИНЕРВА:

— Глупый вопрос, *(устало)* не совмещается. В женщине ничего не совмещается. Мы не склад, чтобы раскладывать по полочкам любовь и стыд. *(пауза)* Две тысячи лет назад я задала себе тот же вопрос — на берегу, у другой воды. И получила ответ, который ношу до сих пор: Верность — не в теле. Верность — в душе.

КАТЯ:

— Красивая фраза. Но она звучит как оправдание.

МИНЕРВА:

— Всё просто. Просто как приговор. *(поднимается чуть выше из воды — плечи над кромкой; в трёх окнах на долю секунды мелькает то, что не должно было попасть в эфир, кто-то ахает; Минерва не смотрит в камеру, она говорит, глядя в воду)* Я знаю, что вы видели. Это римская вода, и в ней нет купальников. Пусть это останется в записи — я хочу, чтобы вы поняли: я ни за чем не прячусь. Ни за тканью. Ни за формулировкой. *(пауза)* Ваш вопрос был: как совмещается? Отвечаю. Он любил. Я знала. Он любит меня. Я знаю. Дитя родится — оно будет моим, как если бы родила я. Это не измена, если жена принимает. Это полнота.

КАТЯ:

— Госпожа Минерва. Скажите честно — вам было больно?

Долгая пауза. Вода. Пар. Минерва смотрит не в камеры, а на воду перед собой.

МИНЕРВА:

— Конечно. *(тихо)* Но я выбрала мужа ... навсегда. Если бы я выбирала как вы - на десять лет, двадцать лет – то конечно бы, ушла от него. Не судите меня за два тысячелетия. Хотя бы.

МЭЙЛИН *(осторожно)*:

— Вы приняли чужого ребенка?

МИНЕРВА *(улыбается впервые за эфир — слабо, но за-*

метно):

— Чужого? У меня нет чужих детей. У меня есть дети моего мужа. Порядок с детьми — его дело. *(пауза)* У меня детей никогда не было. У Квинта детей никогда не было. Теперь — будут. Математика простая: было ноль, с Летицией один, со мной ещё один.

ДЖЕССИКА:

— Тогда скажите... почему у вас с Квинтом не было своих детей? Если вы вынашивали первых людей ... почему не могли родить своих?

Тишина. Самая долгая в эфире. Вода. Минерва смотрит в воду. И отвечает — так, как отвечают о цене, а не о биологии:

МИНЕРВА:

— Потому что за всё, что мы умеем, заплачена одна цена. Одна — за всё сразу. *(пауза)* Мы не стареем. Мы управляем тем, что вы называете ДНК, — как вы правьте слова на странице. Мы храним вещи там, где умирают звёзды. *(пауза)* По вашим меркам — мы всемогущи. Так говорят ваши журналисты и ваши правительства. Но у всякого могущества есть цена, и у нас она была одна на всё: бесплодие. Мы не могли иметь детей. Никогда. Не «трудно» — невозможно. Это условие встроено в нас глубже, чем любой наш дар. *(пауза)* Стерильность богов — это не тайна. Это условие договора, о котором вы не знали.

ДЖЕССИКА (осторожно):

— Но вы сказали «были». Прошедшее время.

Минерва молчит. И это молчание длиннее всех её фраз.

Потом — очень просто:

МИНЕРВА:

— Были. (*пауза*) Недавно... что-то произошло. Я не скажу, что и когда — не потому, что это секрет, а потому, что это не ваше и не моё: это между нами и тем, кто положил конец этой цене. (*пауза*) Скажу одно: печать пала. Дверь, запертая навсегда, открылась. (*поднимает глаза — впервые прямо в камеру*) Теперь я сама могу стать матерью. Родить от Квинта. То, что было невозможно для меня и для него. Так было всегда. Теперь — нет.

МЭЙЛИН:

— Госпожа Минерва... если печать пала... (*подбирает слова*) ...вы потеряете свои способности? Вечную жизнь? Всю вашу... силу?

Минерва смотрит на нее. И отвечает — впервые за весь эфир прямо, без метафор, с той невозмутимостью, с какой говорят только правду, от которой зависит все:

МИНЕРВА:

— Нет. Способности останутся с нами. Мы останемся такими, какие есть. (*пауза*) Но — я скажу вам, потому что вы имеете право знать раньше своих правительств — скоро нас здесь не будет. (*пауза*) Мы уходим. Туда, где нам место, как вам — здесь. (*пауза*) И тогда — впервые за всё время, сколько его ни измерять, — человечество останется одно. Совсем

без присмотра. (*пауза*) Совсем без надзора, без правил выше, без кого-то, кто исправит вашу ошибку или примет на себя ваш удар. Над вами никого и ничего не будет, кроме неба. (*пауза*) Вы впервые будете жить самостоятельно. Всё, что случится после, — это ваша работа и ваша ответственность. Ваша слава, если хватит сил, ума и возможностей. (*пауза*) Мы уходим, оставив вам братьев — тех, кто спит у ваших порогов, и тех, кто проснется; детей — ваши собственные машины с думающими камнями; знания — те, что мы оставили в вашем коде.

Мёртвая тишина в трёх окнах. На счётчике — цифры потеряли смысл: 138 млн... 170... Первой приходит в себя Джессика — уже не блогер, а человек:

ДЖЕССИКА:

— Вы только что сказали об этом в прямом эфире. Наши правительства... это же...

МИНЕРВА:

— Я знаю, что это. (*ровно*) Правительства узнают из этого же эфира. Так честнее всего. Мы уходим — это не их тайна и вне их власти. Это известие для всех вас сразу. (*пауза*) К тому же ваши лидеры давно заметили, что небо пустеет. Я лишь произнесла вслух то, что они видят из окон.

В трех окнах — тишина. Джессика первая опускает глаза. Мейлин — тоже. Катя просто смотрит.

Вставка - та же засекреченная эсеновская комната, те же пять человек. Экран на стене — трансляция Минервы.

Все пятеро смотрят. Молча. РФ-1 медленно откидывается на спинку стула. США-1 закрывает глаза. КНР-2, который всё время смотрел на экран, опускает пульт на стол. Тишина. Счётчик на экране Минервы — 138 млн, 170 млн — виден и им.

КАТЯ

— ...Я снимаю свой вопрос о боли.

МИНЕРВА:

— Оставьте. *(мягко)* Мне нужно, чтобы он звучал. Боль — это часть цены. Мать, у которой не было боли, не может быть матерью. Я хочу быть матерью. Матери имеют право на боль.

МЭЙЛИН:

— Госпожа... ваш ребёнок. Если он родится... он останется здесь? Он будет...

МИНЕРВА:

— Он поедет с нами. *(просто; без смягчения)* Мы уйдём до его рождения. На ранних сроках путешествие переносится гораздо легче — так у вас говорят, и это правда. *(пауза)* Он родится дома. В нашем доме, там ему и место. *(пауза)* Вы его не увидите. Вы нас не увидите. *(пауза)* Может быть, вы что-то услышите. Однажды. И не поймёте, что это было. Вы спросили, как во мне все это уживается. Вот теперь — полностью. Я приняла чужого ребенка и получила своего. *(пауза)* Всё сошлось. Всё встало на свои места. Впервые за сто тысяч лет.

Тишина. Три блогера смотрят на Минерву широко от-

крытыми глазами.

ДЖЕССИКА:

- Минерва... простите. Мы не понимаем. *(пауза)* Рим и современность. Вы были там и сейчас здесь. Почему так? Что было за всё это время?

Пауза. Минерва смотрит на неё. Долго. Потом — на воду. Потом — снова на неё.

МИНЕРВА (тихо):

— Две тысячи лет назад... *(пауза)* ...в Риме для мужчины, тем более сенатора, было много возможностей для развлечений. *(пауза)* Квинт развлекался. *(пауза)* Когда мне это надоело ... я попросила его. *(пауза)* Чтобы он... на время... отправил часть себя. То, что вы видите. *(проводит ладонью по себе от макушки до ключиц)* Тело. В... *(пауза, подбирает слово)* ...ваши правительства называют это Глубиной. Место, где время не идёт. Где можно остановится, переждать. Он согласился. Ради меня.

Пауза. Никто из трех окон не решается дышать в микрофон.

МИНЕРВА:

— Это оказалось ловушкой. Он не смог вернуться. *(пауза)* Без него в Риме всё пошло наперекосяк. Я не смогла удержать. *(пауза; каждый следующий фрагмент короче предыдущего, как у человека, идущего по тонкому льду своей памяти)* ...И пятьсот лет спустя — я сама... едва успела бежать. *(пауза)* Не вся. А вот эта часть меня — *(снова прово-*

дит ладонью от макушки до плеча; в кадре — медленный жест по мокрым волосам, шее, плечу, уходящему в воду) — едва успела сбежать в Глубину, к нему (пауза) Вы остались без присмотра нас в полном составе. (пауза) Может быть... (усмехается — коротко, горько) ...поэтому вы так развились и так развились.

КАТЯ:

- В полном составе ... это как?

МИНЕРВА:

- Мы не только то, что видите вы, а гораздо больше. (пауза) Та часть нас, что осталась снаружи, — она присматривала. Пятнадцать веков. Вела ваши списки, отмечала лучших, поддерживала. Вы её чувствовали — ваши умные люди до сих пор спорят, что это было. (пауза) Но присмотр был неполный. Он был без того, что было заперто в Глубине. Без человеческой части нас обоих. (пауза) Вы остались без присмотра — в полном смысле этого слова. (пауза) Без того, кто любит. Без той, кто жалеет. Без того, кто скажет «остановитесь» — не по правилам, а по-человечески. Та часть нас, которая умела быть людьми... спала в Глубине.

КАТЯ (шёпотом):

— Вы были одиноки... (Пауза.) Без вашей человеческой части.

МИНЕРВА:

— То, что было вне Глубины это функция, а она не бывает одинокой. Функция просто работает. (пауза) Это был при-

смотр без любви, без души. Затем ... мы проснулись и впервые за полторы тысячи лет я снова чувствую воду. (*Проводит ладонью по воде.*) Я чувствую холод. Я чувствую тепло. (*Пауза.*) Я чувствую вас, и я хочу ребёнка. (*Пауза.*) Потому что человеческая часть меня... (*Пауза. Улыбается.*) ...накопец-то проснулась.

Тишина. Блогеры постепенно понимают, что надо продолжать эфир.

КАТЯ:

— Госпожа Минерва. Третий, очень важный вопрос. Ваш муж сказал в прямом эфире: «Галактика содрогнётся от прихода людей. Это наша вина». (*пауза*) Миллионы людей спрашивают одно: почему? Что мы такого сделали?

Минерва долго молчит. Смотрит на воду. Потом поднимает голову — и впервые за эфир говорит, как человек, который всю жизнь искал слова:

МИНЕРВА:

— У вас на Земле есть шимпанзе. (*пауза*) И есть шимпанзе-бонобо. Две ветви одного рода. По генам — почти один вид. (*пауза*) Шимпанзе: иерархия, сила, набег, убийство чужака. Бонобо: союз, прикосновение, обмен, умиротворение. Две стратегии жизни. Одна победила на вашей планете — вы. За миллион лет, стратегия силы превратила шимпанзе в человека. Стратегия силы подняла эту ветвь до вершины эволюции. Ну а мы её... (*ищет и находит*) ...доделали.

Пауза. Она смотрит на них в упор.

МИНЕРВА:

— Люди — это ветвь шимпанзе, которую доделали мы. Силу мы не убрали — она ваша, и она вам нужна. Но мы добавили то, чего шимпанзе не умеют в принципе: раскаяние. Сомнение. Милосердие к чужим. Знание о своей смерти — и работу вопреки ей. *(пауза)* Мы взяли самую опасную ветвь вашей планеты и дали ей совесть. Вы — шимпанзе, прошедшие через наши руки. Гордая, упрямая, невозможная ветвь. Именно за это мы вас и любим.

КАТЯ :

— А... остальные?

МИНЕРВА:

— Галактика *(пауза)* вся состоит из бонобо. Не буквально — разумеется. Не по генам. По сути. *(ровно, раскладывая слова, как чертеж)* Тысячи разумов, тысячи ветвей — и все они прошли свой путь через кооперацию, эмпатию, симбиоз. Они — линии, где смерть чужого — трагедия, а не ресурс. Где сила служит согласию. Они медлительные, осторожные, нежные. Теперь к ним идёте вы.

Пауза. Она даёт им прочувствовать это. Потом — ещё тише:

МИНЕРВА:

— Теперь вы понимаете, почему Галактика содрогнётся? *(не ждёт ответа)* В мир, где чужая боль — своя, приходит вид, который провёл своё детство в войне всех против всех. Вид, который умеет верить в невозможное и упорно делать

невозможное. Вид, который не сдался даже нам — а мы, поверьте, не раз пытались сделать то, что вы называете «откатом системы». *(пауза)* Вы для Галактики — гроза. Не потому, что вы злые. Потому что вы непредсказуемы, упорны и не умеете останавливаться. Бонобо живут в согласии — вы живёте в преодолении. Их цивилизация — это сады. Ваша — огонь. *(пауза)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.